

18+

ВЛАДИМИР ПОЛУЭКТОВ

ПАМЯТЬ СМЕРТИ

Владимир Полуэктов

Память смерти

<https://litres.ru/74148959>

ISBN 9785007000055

Аннотация

Реальность — симуляция, а люди — биокуклы с чужими программами. Директор Центра нулеразумных Мурд вместе с ведьмой Арьей и невидимой Ки Шень Да проникает в казино «Смертельная сила» в демон-версии. Их цель — остановить мёртвого близнеца, собирающего память смерти для импланта в живое тело. Игра идёт не на деньги, а на годы жизни и последние вздохи. Чтобы выиграть, нужно убить в себе самодеструктора, отключить совесть, стыд и вину. Это не мистика. Это протокол взлома реальности. Готовы войти?

Содержание

Память смерти	7
Дисклаймер	8
Для информационных пузырей	10
Ответственность	11
Финальное уведомление	12
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ: УМИРАНИЕ	13
«Ритуал последнего желания»	14
Глава 1. Нейрообраз — Мать, бабка, отчим и смерть	15
1.1 Вход через порог	15
1.2 Речеобразные суфлёры: симфония проклятий	17
1.3 Телесная память: где живёт род	20
1.4 Момент заражения: как это происходит	22
1.5 Курск: активация нейрообраза	24
1.6 Деньги как телесное знание	28
1.7 «Шива» на помойке	30
1.8 Пустота, которая не пустота	32
1.9 То, что нельзя назвать	34
Глава 2. Курский дневник: полгода между смертями	35
2.1 Вход: академия смертников	35
2.2 Ведьма с голубем	37

2.3	Что такое мёртвый голубь на кресте	40
2.4	Тепловой удар: плавка нейросетей	42
2.5	Полгода лежания: атрофия программы	46
2.6	Опасность: мышца сердца	49
2.7	Щелчок	51
2.8	Ведьма у двери	53
Глава 3. Москва — Питер: шивалингам, хостел и ведьмы		55
3.1	Как «шива» пошёл на помойку	56
3.2	Москва: хостел и первая встреча	59
3.3	Природа богов	62
3.4	Питер: встреча с реальностью	65
3.5	Ки Шень Да: та, которой нет	68
Глава 4. Демон-версия реальности: инструкция по применению		72
4.1	Четыре слоя	73
4.2	Механика воплощения: прыжок с платформы	76
4.3	Обратная сторона: как биоукла становится колдуном	78
4.4	Социальные ведьмы: Трали Вали и Ко	79
4.5	Вээн Взерниум: спецгент по эзотерическим преступлениям	81
4.6	Демон V1670 и самодеструктор судьбы	82
4.7	Реальные ведьмы: Ки Шень Да	85
4.8	Открытый вопрос	87

ЧАСТЬ ВТОРАЯ: СМЕРТЬ	89
Глава 5. Подготовка к ритуалу	90
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Память смерти

Владимир Полуэктов

© Владимир Полуэктов, 2026

ISBN 978-5-0070-0005-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Память смерти

Данная книга носит информационно-философский характер и не является религиозным учением, медицинской, психологической или юридической консультацией, а также инструкцией к действию.

Все описанные практики, концепции и ритуалы отражают исключительно личный опыт автора и приведены в ознакомительных целях.

Дисклаймер

Если ты ищешь спасение, утешение, духовный приют или спасительную религию — закрой этот текстовый нейрофайл. Ты ошибся адресом. Здесь нет бога, нет гуру, нет спасителей. Есть только механизм ума и содержимое твоего мышления. Ничего более.

ЮРИДИЧЕСКАЯ ЧАСТЬ (для тех, кто имеет власть)

1. Это не религиозное учение. Здесь нет догм, ритуалов, поклонения или требования веры. Всё изложенное — информация для анализа, а не объект поклонения.
2. Это не медицинская рекомендация. Автор не является вашим лечащим врачом. Практики описаны как личный опыт, а не клинический протокол. Вы несёте полную ответственность за состояние своего здоровья.
3. Это не призыв к действию. Книга не требует от вас разрушения личности, разрыва отношений или отказа от социальных обязательств. Это описание механизма, а не инструкция по применению.
4. Это не психотерапия. Автор не несёт ответственности

за изменения в вашей психике, возникшие в результате чтения. Вы вошли в этот поток добровольно.

5. Карма — не термин. Слово «карма» используется как метафора для содержимого мышления, а не как религиозное понятие. Если это оскорбляет ваши чувства — вы знаете, где кнопка закрытия файла.

Для информационных пузырей

Если вы являетесь хранителем традиции, духовным учителем, гуру, шаманом, ведьмой, колдуном, психотерапевтом или иным носителем «священного знания» — эта книга не для вас.

Она написана для тех, кто готов увидеть:

- Память искажает, а не сохраняет
- Нейрообраз — это тюрьма, а не душа
- Карма — это вывод программы, а не наказание свыше
- Семейная разговорно-двигательная линия — это алгоритм, а не судьба

Если вы не готовы к этому — не тратьте АТФ. Закройте файл.

Ответственность

Астровульф не предлагает дважды.

Вы прочитали это — вы приняли условия. Дальнейшее использование информации осуществляется на ваш страх и риск.

Автор не несёт ответственности за:

— Разрушение иллюзий

— Распад семейных нейрообразов

— Выход из жизнепотока

— Активацию смертной силы

— Понимание того, что объективная реальность — это беспредметное заблуждение

Вы были предупреждены.

Финальное уведомление

Эта книга — информационный контент, а не священный текст. Она не требует веры, не обещает спасения и не гарантирует результата.

Скорость практики определяется не временем, а постоянством нейро-химических реакций и доступным АТФ. Если у вас нет ни того, ни другого — книга не сработает.

Это не учение. Это код.

Вводите свой код доступа на свой риск:

«Память смерти»

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ: УМИРАНИЕ

Память не хранит — она искажает. Вы живёте не свою жизнь, а развёртку нейрообраза, полученного за одну секунду из демон версии реальности. Биофантастика — инструкция по взлому семейной разговорно-двигательной линии. Здесь нет бога, гуру и спасения. Только механизм ума, химия мозга и код реальности. Узнайте, как стереть карму-память и выйти из жизнепотока создав новое тело — носитель знания. Практика требует не времени, а АТФ. Для тех, кто готов разрушить личность ради знания. Астровульф не предлагает дважды.

«Ритуал последнего желания»

Как выйти из жизнепотока живым? Активировать смертную силу. Книга — результат практики психиатра, видевшего по 100 пациентов каждый день. Они строили дома, которые сами же и разрушали. Таков алгоритм их восприятия. Вы можете сами изменить свой. Уничтожьте телесную память родительской линии. Познать механизм ума можно только через разрушение личности. Объективность рухнет сама. Останется лишь контент нейронных сетей.

Готовы ли вы купить себе доступ к самости?

Глава 1. Нейрообраз — Мать, бабушка, отчим и смерть

1.1 Вход через порог

Ты открываешь дверь.

Не парадную, а ту, что ведёт в квартиру, где прошло твоё детство. Запах щей, лекарств и старого линолеума. Звук телевизора, который никто не смотрит. Свет из кухни, где горит одна лампочка, потому что две — это расточительство.

И первое, что ты слышишь:

— Конченное ты ничтожество. Безрукая свинья. Когда же ты сдохнешь от рака?

Это не ругань. Это ритм. Это то, чем наполнен воздух в этом доме. Ты вдыхаешь это с первым вздохом, и твои лёгкие учатся работать в такт этому ритму.

Мать стоит на пороге кухни. В руке — книга по воспитанию детей. Тяжёлая, в твёрдом переплёте. Она не чита-

ет её. Она ею бьёт. По голове. По спине. По чему придётся. Книга называется «Как вырастить счастливого ребёнка». Это смешно, но тебе не смешно. Потому что в этот момент книга проламывает тебе череп.

Из кухни доносится скрежет. Это бабушка точит ножи. У неё их несколько, любимых. Кухонные, всего два. Она не готовит. Она их кидает. Тарелки, ножи, вилки. В тебя. Прицельно. Она попадает редко, но сам факт: воздух, рассекаемый летящим в твою голову металлом, становится твоей стихией.

Ты учишься жить в этом воздухе.

Ты учишься дышать этим воздухом.

Ты становишься этим воздухом.

1.2 Речеобразные суфлёры: симфония проклятий

Голоса. Они не в головах. Они в комнатах, в стенах, в скрипе половиц, в пионерском галстуке, а теперь в смартфонах. Они входят в тебя не через уши, а через поры.

У каждого голоса есть свой текст. Своя программа. Свой вирус.

Голос матери (основной, несущий):

— Ничтожество. Скотина. Сдохнешь под забором, как твой отец алкаш. Тебе никогда не купить квартиру. Будешь дворником, всю жизнь говно мести, мести говно — это смешно, любой дворник хохотал бы до истерики.

Программа: Запрет на жизнь. Код: «Ты не имеешь права занимать место в этом мире. Твоё существование — ошибка. Твой уход — единственное правильное решение».

Голос бабки (высокий, скрежещущий, с присвистом):

— Не жили богато, нечего и начинать, ты не знаешь как тяжело быть взрослым и зарабатывать деньги. Деньги — это страшно. Все люди — мошенники и сволочи. Ты такой же, как твой дед-сумашедший.

Программа: Запрет на изобилие. Код: «Любое движение в сторону достатка — это предательство рода. Деньги приносят смерть. Если у тебя будет хоть что-то, ты умрёшь, как твой дед — сгоришь в своём доме».

Голос отчима (отчим, горбатый, сухой, сморщенный, с акцентом, который я должен был исправить, уча его русскому):

— Ты никто. Ты пустое место. Я научу тебя жить. Ты будешь делать, что я скажу или я тебя уничтожу.

Программа: Подчинение. Код: «Твоя воля не принадлежит тебе. Ты — инструмент. Твоя задача — обслуживать чужие желания».

Но самое страшное — это не отдельные голоса. Самое страшное — это хор.

Когда они начинают одновременно. Мать прокликает, бабка кидает ножи, отчим-араб орёт с кухни. И я стою в центре этого акустического ада, а нервная система учится воспринимать этот хаос как норму.

Через двадцать лет «обычной жизни» будешь удивляться, почему в тишине ты чувствуешь тревогу. Почему когда всё

хорошо — ты ждёшь удара. Почему покой вызывает у тебя панику.

Потому что покой — это смерть для твоей нервной системы. Она знает только одно состояние: война и осадное положение. Если нет войны — значит, война где-то рядом. Значит, надо сканировать горизонт. Значит, надо ждать.

Ты становишься радаром. Но радар настроен только на одно: опасность.

1.3 Телесная память: где живёт род

Научные концепции любят выносить мышление в отдельное место. В голову. В мозг. В какой-то «центр», где принимаются решения.

Это ложь.

Мышление живёт в теле. Всё тело — это один огромный биопроцессор. Каждая клетка помнит. Каждая мышца хранит текст. Каждая кость — социальную родительскую программу.

Когда мать била тебя книгой по голове — удар ложился не в череп. Он ложился в знание о себе. Он впечатывался в тебя, как штамп раскалённым железом. «Ты — ничтожество» — это теперь не фраза. Это положение позвоночника. Это то, как ты держишь голову (опущенной). Это то, как ты сжимаешь челюсть (чтобы не сказать лишнего, чтобы стерпеть, чтобы не вырвался крик).

Бабкины ножи, летящие в спину — они входили не в спину. Они входили в область между лопаток. И теперь там, между лопаток, живёт холод. Холод, который ты носишь с собой всегда. В жару, в холод, в бане, в постели с любимым

человеком — этот холод всегда с тобой. Это бабка. Она сидит у тебя между лопаток и точит свои ножи.

Отчим-араб, орущий с кухни — его голос живёт в копчике. В самом низу позвоночника. Там, где древний, рептильный страх. Потому что отчим-араб — это не человек. Это хищник. Это тот, кто может убить. И твой копчик помнит: надо сжаться, надо поджать хвост, надо стать маленьким и незаметным, чтобы не заметили, чтобы не убили.

Пять точек, где сидит род (для тех, у кого есть свои, а не чужие нейросети):

1. Челюсть — здесь живёт голос отца. Не дающий сказать правду. Сжимающий зубы в приступе немой ярости.
2. Горло — бабкины слёзы, которые ты глотаешь за неё. Ком, который не даёт дышать полной грудью.
3. Солнечное сплетение — материнский страх. Холодный шар, который сжимается при любой угрозе.
4. Поясница — дедовская тяжесть. Готовность принять удар в спину.
5. Копчик — древний ужас. Сигнал: «спасайся, беги, прячься».

Но у меня не было своих точек. У меня были чужие. Потому что не было меня.

1.4 Момент заражения: как это происходит

Злой умысел конечно же был.

И в это невозможно поверить, ведь это родители. Как невозможно поверить, что ты — игрушка — биокукла. Что тебя создали не для того, чтобы ты жил, а чтобы на тебе играли.

Биовнедренцы не прилетают из космоса. Их запускают самые близкие. И у них есть умысел. Не всегда злой в человеческом понимании. Часто — просто передаточный. Как чума, которая не хочет тебя убивать, она просто хочет жить и размножаться.

Сцена заражения выглядит так:

Мать бьёт тебя книгой по голове. В момент удара она не просто злится. Она передаёт тебе программу. Программа называется «Смерть». Она сама получила её от своей матери. Та — от своей. И так до самой первой матери, которая когда-то прокляла свою дочь за то, что та родилась.

В этот момент, в микросекунду удара, происходит внед-

рение. Информационная сущность входит в твоё тело. Она не спрашивает разрешения. Она просто входит, потому что ей нужно место. Ты — свободный носитель. Ты — чистый жёсткий диск.

Она селится не в голове. Она расплзается по всему телу. По мышцам, по связкам, по фасциям. Она становится тобой.

И когда ты через двадцать лет скажешь: «Я злой, потому что у меня характер такой», или «Я добрый, потому что я так воспитан», — это будет неправда. Это будет говорить твоя программа. Это будет говорить она сама.

Ты не рождался злым или добрым. Ты родился чистым. А тебя заразили.

1.5 Курск: активация нейрообраза

В 2018 году я продал квартиру в Сочи, остаток бизнеса. Взял деньги. Сел в машину. И поехал в Курск.

Я не знал, зачем. Я просто ехал что то изменить. Было ощущение, что меня ведут. Что внутри меня включился навигатор, который я не устанавливал.

Я снял квартиру. Съёмную, маленькую, с «обычным ремонтом» и видом на серую пятиэтажку. И в этой квартире началась практика смертной силы, активированная в гостинице «Приморская» в Сочи перед отъездом, активировался нейрообраз бабки.

Сначала я поймал себя на том, что бубню. Бубню что-то под нос, как она. Те же интонации. Те же паузы. Та же бессмысленная вокализация, заполняющая пустоту.

Потом изменилась походка и лицо, появилась социально-мимическая маска. Я стал ходить мелкими, семенящими шагами. Спина согнулась. Голова ушла в плечи.

Потом я увидел весь мир её глазами — абсолютно реальное знание чужого алгоритма восприятия.

Это самое страшное. Когда чужие зрительные фильтры накладываются на твою сетчатку. Мир стал серым, плоским, враждебным. Люди — врагами. Деньги — злом. Будущее — отсутствующим.

Я сошёл с ума.

Не метафорически. Буквально. Раздвоение и помутнение сознания — неведение. В одном «я» я жил как нормальный человек: ходил в магазин, платил за квартиру, отвечал на звонки. В другом «я» я был бабкой. Я был ею полностью. Я думал её мыслями. Я боялся её страхами. Я ненавидел её ненавистью и говорил её языком.

Это длилось полгода.

Я лежал на диване в той курской квартире. Лежал и не двигался. Потому что каждое движение было её движением. Каждая мысль — её мыслью. Я перестал быть. Осталась только она.

Йоги, которые прожили 200—300 лет, случайно наткнулись на этот механизм. Они называют это «махасамадхи» или ещё какой-нибудь красивой хернёй. На самом деле это просто технология: надо лежать и не двигаться, пока чужая

программа не сдохнет от голода.

Программа питается твоим вниманием. Твоим движением. Твоей жизнью. Если перестать её кормить — она начинает умирать.

Но есть одна проблема. Сердце. Мышца сердца работает автоматически, независимо от твоей воли. И если программа засела в сердце — она не сдохнет. Она убьёт тебя. Инфаркт. Инсульт. Остановка. Вариантов много.

Мне повезло. Или не повезло — с какой стороны посмотреть.

Через полгода раздался щелчок.

Биопрограмма разрушилась. Не постепенно, не по частям. А именно щелчок. Как будто внутри лопнула какая то невидимая струна, которая держала меня всё это время, и мир разума включился, неведение резко отступило.

Я открыл глаза. Я не знал, кто я. Я не знал, где я. Я не знал, зачем я. Но я знал одно: бабки больше нет.

Она умерла. Не там, в дурдоме, где её тело догнивало в маразме. А здесь, во мне. Я убил её. Ритуалом смертной си-

лы, о котором тогда ещё и не подозревал.

Это было также, когда мне позвонили из морга. Мать сбила машина. Я приехал, забрал тело. Организовал похороны. Выбрал лучшее место на кладбище. Мне помог профессор с кафедры травматологии, где я тогда учился в ординатуре. Хорошие похороны. Достойные.

Я стоял над гробом и не чувствовал ничего, кроме своего обездвиженного тела и неизвестности. Не потому, что я бессердечный скот. А потому, что её во мне уже не было. Я убил её программу за полгода смертной силы, до того, как её тело перестало дышать.

Бабка умерла от маразма в психушке. Мне было всё равно. Потому что я убил её в будущем — которое всегда сейчас, оно было в той курской квартире, которое теперь прошлое — хотя оно тоже сейчас. *Всё в этой беспредметной реальности происходит сейчас.*

1.6 Деньги как телесное знание

Бабка сошла с ума из-за денег.

Это сказала мать. И не поняла, как близка она была к истине.

Деньги — это не психология. Это не цифры в банке. Это телесное знание. Это плотность энергии, которая входит в твою жизнь и запускает механизмы, о которых ты даже не подозреваешь.

Я заработал 5,5 миллиона рублей. Немного по меркам «мира богатых». Но достаточно для активации.

Что активировалось? Программа самозапрета. Та самая, что сидела в бабке. Та самая, что передавалась по женской линии как проклятие: «Не живи лучше меня. Не смей иметь больше. Деньги — это смерть».

Я не знал этого. Я просто чувствовал, как тело начинает сжиматься каждый раз, когда я думаю о деньгах. Как горло перехватывает, когда я собираюсь потратить их на себя. Как руки дрожат и немеют, когда я хочу купить что-то хорошее.

Это не психология. Это биофизика. Электромагнитные колебания, которые поддерживают программу в теле. Частоты, на которых работает родовая память.

Чтобы завершить это, нужно не психотерапию проходить. Нужно лежать полгода и не двигаться. Нужно дать телу возможность переписать себя. Нужно убить программу голодом.

Я это сделал. Не потому что умный или что то знал. Потому что другого выхода не было. Либо я, либо она.

1.7 «Шива» на помойке

Но знание всё же было, до всего этого был шиваизм. Три года. Мантры, медитации, духовные практики. Я искал просветления. Я хотел стать просветлённым.

Однажды мне подарили шивалингам — священный камень, объект поклонения — и через три года фанатичного поклонения я вышвырнул его в помойку.

Не потому что разочаровался. А потому что вдруг, в одну секунду, понял: Шиве насрать на этот камень. Шиве насрать на все камни. Шиве насрать на мои поклоны, на мои мантры, на мои три года «духовного развития».

Этот мой поступок и был поступок самого Шивы.

Потому что Шива — это разрушитель. И первое, что он разрушает, — это твои иллюзии о нём.

После этого я моментально обнищал. Потерял собственность. Тяжело и долго болел. Лежал пластом и думал, что умираю.

Это и был мой первый ритуал смертной силы — подарок

самого Шивы. Завёрнутый в подарочную обёртку «духовного кризиса».

1.8 Пустота, которая не пустота

После того, как программы убиты, после того, как голоса замолчали, после того, как чужие нейросети рассыпались в прах — остаётся знание.

Без «я». Без личности.

Я — это осознание себя телом. Но тело оказалось чужим. «Я тебя родила» — это не про любовь. Это про оккупацию. Это про то, что тебе дали тело, но не дали права им распоряжаться.

Личность — это осознание себя социальной моделью мышления — биокуклой. Но социальная модель мышления — это вирус. Это операционка, которую установили без твоего согласия.

Когда убираешь и то, и другое — остаётся возможность — механизм самости. Это не пустота. Это плотность знания. Плотность, у которой нет границ. Которая просто есть.

Тело есть. Оно не моё и не чужое. Оно просто существует. Восприятие есть. Убери его — останется пространство несуществования.

А в этом пространстве — Тот, Кто Вершит Всё.

Без имени. Без времени. Без личности. Без истории.

Просто есть.

1.9 То, что нельзя назвать

У этой главы могло бы быть название. Например, «Мать, бабка, отчим-араб и пустота». Или «Анатомия семейной разговорно-двигательной линии». Или «Как убить род и остаться в живых».

Но настоящее название — то, которое нельзя написать. Потому что оно не в словах. Оно в том щелчке, который раздаётся внутри, когда программа умирает. В том хрусте, с которым ломается позвоночник рода. В том безмолвии, которое наступает, когда хор проклятий замолкает навсегда.

Этот текст — не для того, чтобы ты понял. Этот текст — для того, чтобы у тебя внутри что-то щелкнуло.

Если не щёлкнуло — иди дальше. Читай мои другие книги. Ходи к психологам. Медитируй на шивалингамы. Это твой путь, и он имеет право на существование.

Если щёлкнуло — добро пожаловать в ад. Потому что теперь ты знаешь, что ты — не ты. И обратной дороги нет. Только вперед. Только вглубь. Только через ритуал.

Глава 2. Курский дневник: полгода между смертями

2.1 Вход: академия смертников

Я приехал в Курск не за знанием. Я приехал умирать.

Но тогда я этого не знал. Тогда мне казалось, что я еду учиться. Курская государственная медицинская академия, кафедра последипломного образования, направление «управление здравоохранением». Звучит солидно. Бюрократически. Безопасно.

Я стоял в приёмной комиссии и заполнял анкеты. Графа «место работы», графа «образование», графа «цель поступления». Я писал: «Повышение квалификации в области организации здравоохранения». И внутренне улыбался.

Потому что здравоохранение — это оксюморон. Здоровье нельзя охранять. Здоровье можно только убивать или не убивать. А они называют это «системой». Бюрократы в белых халатах, управляющие потоком тел в морг.

Я вписывался в эту систему идеально. Врач, который знает, что медицина не лечит. Ординатор, который видел, как умирают те, кого «спасали». Кандидат в управленцы, который уже понял: управлять смертниками — всё равно что управлять муравьями на горячей сковородке. Они и без тебя сдохнут. Просто кто-то быстрее, кто-то медленнее.

Мне выдали студенческий билет. Фотография, печать, подпись ректора. Документ, удостоверяющий, что я — часть системы. Что я — свой. Что я буду сидеть на лекциях по экономике здравоохранения и делать вид, что это имеет значение.

Через полгода этот студенческий билет будет валяться на полу в съёмной квартире, рядом с диваном, с которого я не вставал уже третий месяц. И я буду смотреть на него и не понимать: зачем я вообще туда пошёл.

Ответ пришёл позже. Я пошёл туда, чтобы оказаться в нужном месте в нужное время. Чтобы снять квартиру именно в том доме. Чтобы ведьма этажом ниже привязала к моей двери мёртвого голубя.

Карты легли. Колода таро сдана.

2.2 Ведьма с голубем

Я заметил её в первый же день. Женщина лет пятидесяти, невысокая, полная и одновременно сухая, с глазами, которые смотрят сквозь тебя. Она всегда выходила из подъезда, когда я заходил. Или заходила, когда я выходил. Как будто караулила.

В лифте она молчала. В коридоре отворачивалась. Ни здравствуйте, ни до свидания. Просто присутствие. Тяжёлое, плотное, как одеяло, которым накрывают покойника.

Через неделю я вышел утром на лестничную клетку и увидел это.

Голубь.

Мёртвый.

Привязанный к дверной ручке.

Но это не простодохлая птица, которую кот задрал. Это была работа. Голубя высушили. Специально, медленно, с сохранением формы. Крылья расправлены, как в полёте. Голова запрокинута. Лапки связаны чёрной ниткой.

И всё это насажено на крест.

Не православный, восьмиконечный. А простой, равносторонний, из двух палок, перевязанных той же чёрной нитью. Мумия голубя, распятая на кресте, примотанная к моей двери.

Я стоял и смотрел.

Первая мысль: «Кто-то прикалывается».

Вторая: «Соседи увидят, испугаются и вызовут полицию».

Третья: «Это подарок».

Именно третья мысль оказалась правильной. Это был подарок. Самый ценный из всех, что я получал.

Потому что мёртвый голубь на кресте — это не «порча» и не «сглаз». Это инструмент. Это ключ. Это приглашение в пространство, где социальные модели мышления не работают. Где ты остаёшься один на один с тем, что реально.

Я не снял голубя. Я оставил его висеть. Три дня.

Три дня я входил и выходил, проходя под распятым голубем. Три дня соседи косились, но молчали. Три дня ведьма

этажом ниже не выходила из квартиры.

На третий день голубь исчез. Дверная ручка была чистой, будто ничего не висело. Ни перьев, ни ниток, ни следа.

Я спустился этажом ниже. Постучал в дверь. Тишина. Постучал ещё раз. Дверь приоткрылась. В щели — тот самый взгляд, сквозь.

— Спасибо, — сказал я.

— Я понял.

Она кивнула и сказала — в твоей квартире до тебя умерла старушка, а ты пока ещё дышишь. И закрыла дверь.

Больше мы не виделись. Через месяц она съехала. Или умерла. Или просто исчезла, как исчезают ведьмы, когда их работа сделана.

Но голубь остался. Не на двери. Внутри.

2.3 Что такое мёртвый голубь на кресте

Для биоуклы это «странно» и «страшно». Для оператора — это биоскрипт, записанный на языке смерти.

Высушенный голубь — это остановленное время. Голубь — птица жизни, плодородия, размножения. Мёртвый голубь — это жизнь, которую остановили. Зафиксировали. Превратили в статую.

Крест — это пересечение. Точка, где вертикаль встречается с горизонталью. Вертикаль — дух, горизонталь — материя. Распятый голубь — это материя, пронзённая духом смерти. Это знак того, что старая жизнь кончилась. Что пора перестать размножаться, плодиться, множиться в социальной модели мышления. Пора умирать.

Чёрная нить — это связь с тем, что вне. С нави. С изнанкой.

Ведьма привязала к моей двери не птицу. Она привязала разрешение. Разрешение на ритуал. Разрешение на смерть. Она увидела, что я готов, и сделала единственное, что могла сделать ведьма в такой ситуации — поставила метку.

Три дня я ходил под этой меткой. Три дня мои биовнедренцы пытались убедить меня, что это «херня», «совпадение», «чья-то глупая шутка». Три дня я слушал их и не верил.

На третий день они заткнулись. Не потому что я их победил. А потому что метка сделала своё дело. Она пробила брешь в их защите. Она открыла канал, через который в меня могла войти смерть.

И она вошла.

2.4 Тепловой удар: плавка нейросетей

Август. Курск. Тридцать пять в тени. Асфальт плавится, воздух стоит киселём.

Я вышел на пробежку. Идиот. Врач, ординатор, человек с медицинским образованием — и вышел на пробежку в тридцать пять градусов. Потому что биовнедренцы сказали: «Надо поддерживать форму, надо заниматься здоровьем, надо быть активным».

Это была их последняя команда. И я её выполнил.

Первый километр — нормально. Второй — тяжело. Третий — я понял, что что-то не так. Воздух стал густым, как вода. Сердце билось где-то в горле. Глаза видели не так, как обычно. Цвета стали ярче, потом бледнее, потом вообще исчезли.

Четвёртый километр я не пробежал. Я почти упал.

Не красиво, не кинематографично. Просто ноги подкосились, и я рухнул на землю, рядом с небольшим прудом в тени деревьев. Лежал и смотрел в небо. Небо было белым. Абсолютно белым, без единой точки.

Потом была темнота.

Тепловой удар. Начинающийся отёк мозга. Клиническая картина классическая: гипертермия, потеря сознания, судороги. Дальше в моём мышлении пронеслось — реанимация, капельницы, прогнозы.

Но я расскажу не про медицину. Я расскажу про то, что было внутри.

Когда мозг плавится от температуры, нейронные сети начинают рваться. Не постепенно, а пучками. Информационные связи, которые строились годами, лопаются за секунды. Это похоже на звук: высокий, тонкий, как стекло, которое трескается. Или как лёд весной, когда река вскрывается.

В этом звуке тонули голоса. Все голоса. Мать, бабушка, отчим-араб, начальники, учителя, друзья, враги — все, кто когда-либо вошёл в мою голову и остался там жить. Они кричали, цеплялись, пытались удержаться. Но температура плавилась всё.

Я не видел света в конце тоннеля. Не встречал ангелов. Не разговаривал с умершими родственниками. Я просто лежал в белой пустоте и слушал, как рвутся нити.

Это длилось вечность. Или минуту. Времени не было.

Потом я открыл глаза в больничной палате. Рядом сидела медсестра ставила капельницу и мерила давление. Увидела, что я очнулся, и равнодушно сказала: «Оклемался? Лежи давай».

Я лежал. И впервые в жизни не думал.

В голове было пусто. Абсолютно. Как в выключенном телевизоре. Ни одной мысли. Ни одного голоса. Только гул крови в ушах и белый потолок над головой.

Это продолжалось часа три. Три часа абсолютной тишины внутри черепа. Лучшие три часа моей жизни.

Потом голоса начали возвращаться. Сначала шёпотом, потом громче. Они пытались восстановить старые связи, склеить разорванное. Но что-то изменилось навсегда. Клей не брал. Нейросети не срачивались.

Они стали чужими. Я слышал их, но не верил им. Я чувствовал их, но не отождествлялся. Они были как радио, которое кто-то забыл выключить. Можно слушать, а можно и не слушать.

Я выбрал не слушать.

2.5 Полгода лежания: атрофия программы

Из больницы я вышел быстро. Физически оклемался. Мог ходить, есть, разговаривать. Но что-то во мне умерло. Или родилось — как посмотреть.

Я вернулся в съёмную квартиру. Лёг на диван. И не вставал.

Шесть месяцев.

Я не шучу и не преувеличиваю. Шесть месяцев я лежал на этом диване. Вставал только в туалет и на кухню — налить воды. Иногда заказывал еду, открывал дверь, забирал пакет и снова ложился.

Телефон отключил. Соцсети не открывал. Другьям не отвечал. Родственники не звонили.

Я лежал и смотрел в потолок. День за днём. Неделя за неделей. Месяц за месяцем.

В йоге это называют «шавасана» — поза трупа. Только йоги делают её пятнадцать минут, а потом встают и идут пить

чай с печеньками. А я делал её по-настоящему. Шесть месяцев труп.

Что происходит с телом, когда оно лежит полгода?

Мышцы атрофируются. Сначала мелкие, потом крупные. Ты чувствуешь, как таешь вплоть до костей. Как исчезаешь. Как твоя плоть возвращается в то состояние, из которого вышла при рождении.

Кости начинают болеть от неподвижности. Суставы скрипят. Пролежни — если не следить за гигиеной. Я следил. Переворачивался, ходил в душ, практиковал биовзлом телесного разума — @v_gazume. Это были единственные движения, которое я себе позволял.

Но главное — не тело. Главное — программы.

Когда ты не двигаешься, программы, записанные в мышцах, начинают умирать от голода. Они питаются твоими действиями, твоими реакциями, твоими движениями. Если движения нет — они чахнут.

Мимика матери, которой у меня никогда не было. Жесты бабки, которые я перенял неведомо как. Походка отчи-ма-араба, интонации друга — вьевшиеся в голосовые связ-

ки. Всё это начало отваливаться. Кусками. Как старая краска со стены.

Я чувствовал, как становлюсь пустым. Как из меня вынимают внутренности и раскладывают рядом. Как я перестаю быть тем, кем себя считал.

Страшно?

Нет.

Страшно было бы, если бы было с чем сравнивать.

А сравнивать было не с чем.

Я никогда не был собой.

Я всегда был набором чужих программ.

И когда они начали умирать, я впервые почувствовал: что-то настоящее просыпается.

2.6 Опасность: мышца сердца

Йоги, которые додумались до этого случайно, умирали часто. Потому что есть одна мышца, которую нельзя отключить. Сердце.

Оно бьётся независимо от твоей воли. И если программа засела в сердечной мышце — она не сдохнет от голода. Она убьёт тебя.

Инфаркт. Аритмия. Остановка. Вариантов много.

Я знал это. Как врач, как ординатор, как человек, который видел смерти. Я знал, что играю с огнём.

На третьем месяце сердце начало сбоить. Тахикардия. Потом брадикардия. Потом экстрасистолы — когда оно делает лишний удар, а потом замирает на секунду, и ты думаешь: «Всё. Приехали».

Я лежал и слушал своё сердце — слушал свой страх. Оно говорило со мной. Не голосом, а ритмом. Оно говорило: «Я устало. Я не хочу биться ради чужих программ. Дай мне умереть или дай мне жить по-настоящему».

Я не давал ему ни того, ни другого. Я просто лежал и ждал. Без надежды, без страха, без желания. Просто ждал.

И оно решило само.

На пятом месяце сердце успокоилось. Не потому что я его вылечил. А потому что программа в нём сдохла. Та самая, родовая, древняя, которая заставляла его биться в режиме «война и осадное положение». Она просто перестала существовать.

Сердце стало биться иначе. Медленнее. Глубже. Спокойнее. Как будто оно впервые выдохнуло после пятидесяти лет непрерывной войны.

2.7 Щелчок

Шестой месяц. Конец. Я уже не помнил, зачем лёг. Не помнил, кто я. Не помнил, где моя квартира в Сочи, зачем я продал её, почему я здесь. Всё стёрлось.

Осталось только лежание. Только потолок. Только дыхание.

И вдруг — щелчок.

Не звук. Не ощущение. Что-то между. Как будто внутри лопнула последняя струна, которая держала всю конструкцию. Как будто сломался механизм, который делал меня мной.

Я открыл глаза. В комнате было темно. Ночь. За окном горели фонари, и их свет падал на потолок полосами.

Я посмотрел на эти полосы и понял: я не знаю, что я вижу.

Раньше я видел «свет от фонаря», «тени на потолке», «полосы». Слова приходили раньше зрения. Язык объяснял мне, что я вижу, до того, как я успевал это увидеть.

Сейчас слов не было. Были только полосы. Только свет. Только темнота. Без названий, без объяснений, без интерпретаций.

Я сел на диване. Встал. Подошёл к окну. Посмотрел на улицу.

Пустая улица. Фонари. Деревья. Машины.

Я не знал, как это называется. Я просто видел.

Первый раз в жизни.

2.8 Ведьма у двери

Наутро я позвонил в академию. Сказал, что увольняюсь. Забрал документы. Собрал вещи. Вышел из подъезда.

У двери стояла ведьма. Та самая, этажом ниже. Я не видел её четыре месяца. Думал, съехала.

— Ну что? — спросила она.

— Дошёл?

— Дошёл, — сказал я.

Она улыбнулась. В первый раз. У неё были жёлтые зубы и чёрные глаза.

— Голубь помог?

— Помог.

— Ты его не снял тогда. Три дня висел. Правильно сделал. Если б снял — не дошёл бы.

Я кивнул.

— Спасибо, — сказал я.

— Не за что, — сказала она.

— Я не тебе помогала. Я себе. Мне надо было передать. Ты взял. Теперь у меня чисто.

Она развернулась и ушла в подъезд. Больше я её не видел.

Я сел в машину и поехал из Курска. Куда — не знал. Но знал одно: программы убиты. Теперь можно жить.

Или умереть по-настоящему.

Жизнь показала, что первое.

Глава 3. Москва — Питер: шивалингам, хостел и ведьмы

Эта глава — не о духовном пробуждении. Это о том, что происходит, когда пробуждение оказывается очередной программой. Когда ты три года будишь камень по утрам, кормишь его молоком и мантрами, а однажды берёшь и выкидываешь в мусорный бак. И в этот миг понимаешь: ты не поклонялся Богу. Ты поклонялся своему отражению.

Здесь не будет утешений, гуру и красивых метафор. Только сырой воздух московского хостела, пустые глаза ведьмы, которой «нет», и холодная правда о природе богов: они такие же биокуклы, просто с другим уровнем доступа. Мурд перестал искать свет. Он начал видеть провода.

От Шивы на помойке до встречи с той, которой не существует. От нищеты до осознания, что отсутствие — не конец, а единственное рабочее состояние оператора. Добро пожаловать в реальность, где нет спасителей. Есть только те, кто знает код. И выбор: остаться персонажем или стать пустотой.

3.1 Как «шива» пошёл на помойку

Три года.

Три года я вставал в четыре утра, чтобы успеть сделать пуджу до восхода. Три года я омывал шивалингам молоком, мёдом, йогуртом. Три года я мазал его сандаловой пастой, украшал цветами, жёг благовония и читал мантры.

Я кормил Шиву. Я будил его по утрам и открывал ему глаза. Я разговаривал с ним. Я верил, что он слышит.

Я делал ягьи — ритуалы огня. Бросал в пламя рис, семена, топлёное масло и призывал богов присутствовать, принимать жертвы, благословлять.

Я был идеальным преданным. Тем, кого в индуизме называют «бхакта». Тем, кто растворяется в любви к Богу.

И однажды утром я взял этот шивалингам — чёрный камень, отполированный моими руками до блеска, впитавший тонны молока и килограммы цветов, — и вышвырнул его в помойку.

Не торжественно. Не ритуально. Просто встал, открыл ок-

но, выкинул его с третьего этажа в контейнер стоящий во дворе. И закрыл окно.

В тот же момент я обнищал.

Не метафорически. Буквально. Деньги исчезли. Работа исчезла. Квартира в Сочи, которую я считал своей, перестала быть моей. Здоровье, которое я поддерживал йогой и медитацией, рухнуло. Я тяжело и долго болел. Лежал и думал, что умираю.

И это было лучшим, что со мной случилось.

Потому что только сейчас, лёжа в своей постели и слушая, как тело разваливается на части, я понял:

Я и был Шивой.

Не частью Шивы. Не искрой Шивы. Не отражением Шивы. А им самим. Тем, кто разрушает. Тем, кому по%уй на все шивалингамы, на все молитвы, на все яги. Тем, кто создал этот мир просто так, для прикола, и точно так же может его уничтожить.

Три года я поклонялся себе. Три года я носил жертвы своему собственному отражению, которое принял за отдельного

Бога. Три года я будил себя по утрам и кормил себя молоком.

И в момент, когда я выкинул камень, я проснулся.

Поступок Шивы — это когда ты разрушаешь последнюю иллюзию о том, что ты не Шива.

После этого поступка иллюзии кончились. Началась реальность. Которая оказалась гораздо страшнее и интереснее, чем любой духовный транс.

3.2 Москва: хостел и первая встреча

После выброса шивалингама я оказался в Москве. Не по плану — просто ноги принесли. Денег не было, здоровья не было, будущего не было. Была только спортивная сумка с вещами и мутное ощущение, что я сделал что-то правильное, но цена этого правильного — смерть.

Я поселился в хостеле прямо напротив церкви. Дешёвом бункере, с пьяными соседями. Комната на двадцать человек, двухъярусные кровати, общий туалет в конце коридора. Идеальное место для того, кто решил умереть, но пока не решил как.

Там я её и встретил.

Она сидела на кухне. Общая кухня хостела, с металлическими столами и вечно занятой плитой. Пила чай из пластикового стаканчика. Смотрела в окно.

Я зашёл поставить чайник. Увидел её. И замер.

Потому что её не было.

Я не мистик. Я не вижу ауру. Я не чувствую энергию. Но

я вижу присутствие. Я вижу, есть ли кто-то внутри тела или там только программа.

В ней не было никого.

Пустота. Абсолютная, космическая пустота. Тело сидит, чай пьёт, в окно смотрит — а внутри ни одной мысли, ни одного чувства, ни одного движения. Как будто включили человека, но забыли загрузить операционку.

Она повернула голову. Посмотрела на меня. Улыбнулась.

— Чего застыл? Чайник ставь.

Я поставил. Сел напротив. Молчал.

— Ты Шиву выкинул, — сказала она. Не вопрос, а констатация.

— Откуда знаешь?

— Вижу. У тебя на лбу написано. Только буквы стёрлись. Раньше было «преданный», теперь «никто».

Я засмеялся. Впервые за долгое время.

— А ты кто? — спросил я.

— Я? Никто. Только без кавычек.

Она допила чай, встала и ушла. Даже имени не сказала.

Через три месяца я встретил её снова. В Питере. И узнал, что её зовут Арья Диаманд. И что она — ведьма.

Но тогда, в московском хостеле, я получил главное: знание, что можно быть никем. Не в смысле «ничтожеством», а в смысле «отсутствием». Что можно убрать всё содержимое и остаться пустым телом, которое пьёт чай и смотрит в окно. И это не депрессия. Это — освобождение.

3.3 Природа богов

Разговор с Арьей в хостеле длился пять минут. Но этих пяти минут хватило, чтобы перевернуть всё, что я знал о реальности.

— Боги есть? — спросил я.

— Есть, — сказала она.

— И они реальны?

— Как ты. Как я. Как этот чай.

— Тогда кому я три года молился?

Она посмотрела на меня с жалостью. Не как на больного, а как на слепого, который только что узнал, что солнце существует.

— Ты молился биоукле. Такой же, как ты. Только роль у неё — бог. Её создали в демон-версии реальности. Окультисты и колдуны. Лоп Воткэу, Ки Чон Ру, я. Мы их делаем. Лепим из информационной грязи, даём имена, сажаем на троны. А биоуклы молятся. Им это нравится. Им нравится

быть богами. Они думают, что они настоящие.

— А они?

— А они не знают, что их нет. Как и вы. Вы же не знаете, что вас нет. Думаете, что живёте, страдаете, любите. А вас просто запрограммировали так думать.

— А ты? Ты знаешь?

— Я знаю, что меня нет. Поэтому я могу всё.

Она встала. Улыбнулась той же пустой улыбкой.

— Встретимся в Питере, — сказала она.

— Там будет весело.

И ушла.

Я остался сидеть на кухне, смотреть в остывший чай и переваривать.

Боги — биокуклы.

Богами управляют колдуны.

Колдуны — это те, кто знает, что их нет.

Их нет — поэтому они могут всё.

Я только что выкинул шивалингам. Я только что перестал быть преданным. Я только что начал становиться никем.

Я был на правильном пути.

3.4 Питер: встреча с реальностью

В Питер я приехал через несколько месяцев. После Курска. После голубя. После теплового удара. После полугода лежания.

Я был чист. Не святой, не просветлённый — чистый. Как лист бумаги, с которого стёрли все записи. Осталась только поверхность.

Мне нужно было место, чтобы остановиться. Осмотреться. Понять, что делать дальше. Старый знакомый предложил комнату. Я согласился.

И в первый же вечер, выйдя в магазин за хлебом, я встретил её.

Она стояла у подъезда. Курила. Смотрела на небо.

Та же пустота внутри. То же отсутствие. Только теперь я узнавал её.

— Арья?

— Привет, Шива, — сказала она.

— Долго ты ехал.

— Откуда знала, что я приеду?

— Я не знала. Мне Лоп сказал.

— Лоп Воткэу?

— Ага. Он за тобой следит. С самого выброса. Говорит, ты готов.

— К чему?

Она посмотрела на меня. Впервые — прямо в глаза. И я увидел, что пустота внутри неё — не отсутствие. Это плотность. Такая высокая, что глазами её не увидеть. Такая сильная, что она не оставляет следа. Как свет — его не видно, пока он во что-то не ударит.

— К ритуалу, — сказала она.

— К убийству.

— Кого убивать?

— Себя. Того, кого нет. Самого стойкого биовнедренца.

Она бросила окурок в урну. Тот попал с первого раза.

— Завтра. В шесть. Выходи из подъезда, я буду ждать.

И ушла. Как и в прошлый раз — просто исчезла за углом, хотя угол был далеко.

Я остался стоять. Без хлеба. Без мыслей. Без страха.

Только с одним ощущением: началось.

3.5 Ки Шень Да: та, которой нет

Перед тем как идти на ритуал, я спросил Арыо про других.

— Вы там не одни? Лоп, ты, Ки Чон Ру?

— Не одни, — усмехнулась она.

— Есть ещё одна. Ки Шень Да.

— Кто она?

— Реальная ведьма.

— В смысле?

— В прямом. Лоп — колдун, он знает, что он есть, и использует это. Я — биотрансформатор, я знаю, что меня нет, и это моя сила. Ки Чон Ру — мастер форм, он словами создаёт реальность из пустоты. А Ки Шень Да...

Она замолчала.

— Что?

— Она не знает, что она есть. Совсем. Ни малейшего знания о своём существовании. Она уверена, что её нет. И поэтому может творить любое зло кому хочешь.

— Как это — не знать о своём существовании?

— А ты знаешь? Ты уверен, что ты есть? Докажи.

Я открыл рот. Закрыл. Открыл снова.

— Мыслю, значит существую, — сказал я.

— Мысли — это программы. Ты не мыслишь, это мыслится в тебе.

А если мыслей нет?

— Остаётся...

— Что?

Я не знал, что ответить.

— Вот и она не знает, — сказала Арья.

— Потому что её нет. И это высшее состояние. Не для

биокукол. Для тех, кто работает по-настоящему.

— Где она?

— Везде. В демон-версии, в микроразуме, в тебе. Может, прямо сейчас смотрит на нас и решает, убить тебя или оставить.

Я поёжился. Не от страха — от холода, который вдруг прошёл по спине.

— Шучу, — сказала Арья.

— Не убить. Она не убивает. Она просто делает. А что получается — не её дело.

— А чьё?

— Ничьё. Реальность сама разбирается.

Она засмеялась. Впервые я услышал её смех — пустой, звенящий, как колокольчик в вакууме.

— Ладно, иди отдыхай. Завтра тяжелый день. Убивать будешь.

— Кого?

— Увидишь.

Я пошёл. А за спиной всё ещё звучал этот смех — смех той, которой нет, над тем, кого ещё не убили.

Глава 4. Демон-версия реальности: инструкция по применению

Эта глава — не про магию и не про демонов в рогатых масках. Это про чертежи. Про архитектуру симулятора, в котором ты уже живёшь, но никогда не видел сверху.

Если раньше мы разбирали, как программы сидят в теле, то теперь поднимемся выше — посмотрим на сам код. Демон-версия реальности — это не ад и не эзотерическая фантазия. Это серверная. Место, где операторы видят не людей, а потоки информации, биовнедренцев и каналы связи. Четыре слоя. Механика воплощения. Обратный путь, который проходят единицы. Социальные ведьмы, загрязняющие эфир мусором своих иллюзий, и спецагенты, которые этот эфир чистят.

Здесь не будет утешений, духовного тумана и красивых мифов. Только схема. Карта местности, где «объективная реальность» — лишь согласованная галлюцинация, а «магия» — детская игра с программами, которые уже написаны без твоего согласия.

Готовься увидеть провода. Или закрой файл. Инструкция не для тех, кто хочет верить. Она для тех, кто хочет видеть.

4.1 Четыре слоя

Существует четыре слоя. Не три, как учат в эзотерических книжках. Не семь, как любят нумерологи. Четыре. Рабочих. Остальное — декорации.

Первый слой: Ментальная платформа ума.

Это небо. Но не то, что с облаками. То, откуда смотрят. Место, где «я» ещё не стало кем-то. Где оно просто висит в пространстве чистого потенциала. Там нет мыслей, нет чувств, нет тела. Только точка осознания — и бесконечность вокруг.

Оттуда приходят все. Но не все помнят.

Второй слой: Демон-версия реальности.

Вот здесь начинается движ. Это мир, где живут те, кто управляет. Демоны, колдуны, операторы. Не в смысле «злые духи из ада», а в смысле — те, кто знает код.

Демон-версия выглядит как наш мир, но плотнее. Ярче. Реальнее. Там те же дома, те же улицы, те же люди — только у людей там видно внутренности. Не мясные, а инфор-

мационные. Видно, какие программы крутятся, какие биовнедренцы сидят, какие самодеструкторы поставлены на ретранслятор.

В демон-версии нет времени. Там всё одновременно. Прошлое, будущее, настоящее — как три телеканала, которые можно переключать. Хочешь — смотри, что было. Хочешь — что будет. Хочешь — просто выключи и смотри в белую стену.

Там живут Лоп Воткэу, Ки Чон Ру, Арья Диаманд. Там же работают демоны-спецагенты типа Вээн Взерниума. Там же стоят компьютеры, через которые управляют симулятором реальности биокукол.

Третий слой: Эфир разумности.

Это пространство между. Между демон-версией и микро-разумом. Не пустота, а проводник. Через него идут сигналы, программы, проклятия, благословения. Через него же проходит «я», когда решает воплотиться.

Эфир разумности — это река. В ней плавают всё: мысли, чувства, образы, желания. Биокуклы думают, что это их личное — а это просто эфир течёт через них. Как вода через сито.

Социальные ведьмы гадают именно здесь. Они не могут достать до демон-версии — ума не хватает. Не могут повлиять на микроразум напрямую — сил нет. Но в эфире они оставляют следы. Какашки информационные. Которые потом впитываются в тех, кто рядом.

Четвёртый слой: Микроразум.

Это Земля. Мир биокукол. Мир, где всё кажется настоящим, потому что забыло, что оно — симуляция.

Здесь люди рождаются, страдают, любят, умирают. Здесь читают Кастанеду и верят, что становятся магами. Здесь проклинаят бывших и радуются, что у них получилось. Здесь пишут «Розу мира» и считают это откровением.

Микроразум — это тюрьма. Но тюрьма с открытыми дверями. Просто никто не знает, что двери есть. Или знают, но боятся выйти.

4.2 Механика воплощения: прыжок с платформы

Как «я» становится биоуклой?

Есть «я». То самое, что висит на ментальной платформе. Без имени, без формы, без желаний. Просто точка осознания в бесконечности.

Рядом с этой точкой — Вершила Всего. Не бог, не творец, а пространство несуществования. То, из чего всё возникает и куда всё уходит. Его нельзя увидеть, потому что оно не существует. Но можно почувствовать спиной. Как холодок. Как предчувствие. Как мысль, которая ещё не пришла, но уже близко.

Вершила Всего открывает проход. Не дверь — проход. Просто убирает стену, которой не было, и появляется пустота, в которую можно шагнуть.

«Я» шагает.

Дальше — эфир разумности. Полёт сквозь мысли, чувства, образы. Это как падать в колодезь, стены которого — чужие жизни. Ты пролетаешь сквозь них, и каждая оставля-

ет на тебе след. Немного гнева от одного, немного любви от другого, немного страха от третьего.

К тому моменту, как ты долетаешь до микроразума, ты уже не чистый лист. Ты — палимпсест. Рукопись, на которой написано столько всего, что уже не прочесть исходный текст.

И вот тыходишь в тело. Первый вдох, первый крик, первый свет. И сразу — забвение. Забываешь всё. И платформу, и полёт, и эфир. Остаётся только тело, только крик, только мать, которая берёт на руки.

Но память остаётся. Не в голове — в теле. В каждой клетке записан путь. И если знать, как читать, можно вспомнить всё.

В том числе — кто ты на самом деле.

4.3 Обратная сторона: как биокукла становится колдуном

Путь назад сложнее. Потому что в микроразуме нет указателей.

Некоторые находят дорогу случайно. Шиваизм, йога, медитация — всё это попытки вспомнить. Но большинство упираются в стену. Стену из книг, практик, гуру. Думают, что ищут Бога. А ищут выход из симуляции.

Лоп Воткэу нашёл выход через убийство. Не людей — программ. Ки Чон Ру — через формы. Он создаёт реальность из пустоты и смотрит, как она живет. Арья Диаманд — через отсутствие. Она просто перестала быть — и оказалась везде.

В демон-версии они собираются и творят ритуалы. Не для биокукол — для реальности. Потому что реальность можно менять. Только надо знать, за какие нити дёргать.

Их работа — убивать социальных ведьм.

4.4 Социальные ведьмы: Трали Вали и Ко

Социальная ведьма — это биокукла, которая прочитала достаточно книг, чтобы считать себя магом.

Она читала Кастанеду и теперь «останавливает внутренний диалог». Она читала Папюса и теперь «строит защиту». Она читала уголовного Даниила Андреева и его «Розу мира» и теперь знает, как устроены метаисторические слои.

Она уверена, что может проклинать. Когда бывший уходит к другой, она собирает волосы, чёрные свечи и фотографии, и шепчет слова, которые вычитала в интернете. И думает, что он теперь не будет счастлив.

Она уверена, что может исцелять. Когда подруга болеет, она водит над ней руками, представляет зелёный свет и читает мантры. И думает, что помогает.

Она уверена, что она — ведьма. Что у неё сила. Что она избрана.

На самом деле она просто гадит в эфире.

Её проклятия — не проклятия. Это просто информационный мусор, который засоряет пространство. Как пластик в океане. Он никого не убивает, но дышать становится тяжелее.

Её исцеления — не исцеления. Это самовнушение, которое иногда работает, потому что тело само себя лечит, а она приписывает это своим рукам.

Её магия — не магия. Это детский сад с игрушками, которые кажутся взрослыми.

Но проблема не в том, что она глупая. Проблема в том, что она засоряет каналы. Через эти каналы идёт связь между мирами. Когда их засоряют, колдунам из демон-версии труднее работать. Приходится тратить время на очистку.

Поэтому существует специальный демон.

4.5 Вээн Взерниум: спецагент по эзотерическим преступлениям

Вээн Взерниум — демон. Но не тот, которого рисуют с рогами и копытами. Это спецагент. Высокий, худой, в чёрном плаще, которого нет. Глаза — две пустоты. Голос — как скрип двери в заброшенном доме.

Его работа: вычислять социальных ведьм.

Он сидит в демон-версии и сканирует эфир. Как только появляется особо жирный информационный след — от проклятия, от злобы, от глупой «магической работы», — он берёт след.

Ведёт его быстро. Потому что социальные ведьмы не умеют прятаться. Они думают, что если надеть чёрный балахон и зажечь свечи, их никто не увидит. А они видны за километр. Как прожектор в пустыне.

Когда Вээн находит ведьму, он передаёт координаты другому демону.

V1670.

4.6 Демон V1670 и самодеструктор судьбы

V1670 — это не имя. Это должность. Номер оператора, который ставит самодеструкторы.

У каждого демона есть свой профиль. Кто-то ставит программы на биокукол при рождении. Кто-то корректирует судьбы политиков. Кто-то отвечает за войны и эпидемии.

V1670 ставит самодеструкторы судьбы на социальных ведьм.

Что такое самодеструктор судьбы?

Это программа, которая встраивается в ретранслятор — головной мозг — и начинает медленно разрушать жизнь. Не быстро, чтобы ведьма поняла и испугалась. А медленно. Чтобы она жила и мучилась. Чтобы каждый день чувствовала, как что-то идёт не так. Чтобы просыпалась с мыслью «что-то будет», и это «что-то» приходило.

Отличие этого самодеструктора от обычных, поставленных на биокукол?

Вот здесь я упираюсь в стену.

Я не знаю.

Я спрашивал Лопу. Он усмехнулся и сказал: «Узнаешь, когда поставят». Я спрашивал Арю. Она пожала плечами: «Какая разница? Главное, что он есть». Я спрашивал Ки Чон Ру. Он долго молчал, а потом сказал: «Обычный самодеstructor просто убивает. Этот — заставляет помнить, что ты сама это выбрала».

Может, в этом разница. В памяти.

Обычная биокукла не знает, что у неё внутри программа. Она думает, что это её характер, её судьба, её карма. Социальная ведьма — знает. Она читала книги, она делала ритуалы, она считает себя магом. И когда программа начинает работать, она понимает: это расплата. Не за грехи — за глупость. За то, что гадила в эфире, думая, что творит магию.

И это знание — самое мучительное. Потому что некого винить, кроме себя.

Может, поэтому самоdestructоры разные. Чтобы биокуклы умирали спокойно, не понимая. А социальные ведьмы — с пониманием. С полным осознанием: я сама это сделала. Я

сама позвала. Я сама открыла дверь, в которую вошло.

И входит не демон. Входит она сама. Та, которую создала. Та, в которую поверила. Та, которой нет, но которая теперь будет жить в ней до самой смерти.

4.7 Реальные ведьмы: Ки Шень Да

На фоне всех этих игр с программами, самодеструкторами и социальными ведьмами есть одна фигура, которая стоит особняком.

Ки Шень Да.

О ней почти ничего неизвестно. Потому что её нет.

Она не знает о своём существовании. Не в том смысле, что страдает амнезией. А в том, что знание о себе у неё отсутствует как класс. Она есть, но не знает, что есть. Поэтому может всё.

Представь пустоту. Не чёрную, не белую — никакую. А теперь представь, что эта пустота умеет действовать. Не думать, не планировать, не желать — просто действовать. И каждое её действие идеально, потому что не искажено личностью.

Если социальная ведьма проклинаяет через ненависть — её проклятие слабое, потому что в нём много эмоций, которые гасят силу.

Если колдун типа Лопы творит ритуал — он силён, потому что знает, что делает.

Если реальная ведьма типа Арьи творит ритуал — она не знает, что делает, но её нет, и поэтому результат всегда точный.

Ки Шень Да — следующий уровень. Она не творит ритуалы. Она просто присутствует. И в этом присутствии всё становится на свои места.

Если бы она захотела уничтожить мир — она бы даже не заметила, что уничтожила. Потому что нет того, кто замечает. Есть только действие.

К счастью, она не хочет. Потому что хотеть — это иметь желание. А желание — это знать, что ты есть.

Она просто есть. И этого достаточно.

4.8 Открытый вопрос

В конце этой главы я должен признать: я не знаю, чем отличается самодеstructor судьбы, который ставит демон V1670 социальным ведьмам, от обычного самодеstructorа на биокуклах.

Может быть, это знание доступно только тем, кому его поставили. Может быть, Лоп скрывает правду, чтобы я не ослаблялся. Может быть, разницы действительно нет, а всё это — просто игра ума, который хочет найти отличие там, где его нет.

Я оставляю этот вопрос открытым.

Для читателя, который дойдёт до конца книги, это будет тестом на канале @v_razume. Если он узнает ответ — значит, он уже не читатель. Значит, он уже там.

Если не узнает — значит, ещё биокукла. Пусть читает дальше. Может, в следующей главе что-то прояснится.

А может, и нет.

Так работает настоящая магия. Она не даёт ответов. Она

даёт вопросы, которые убивают того, кто их задаёт.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ: СМЕРТЬ

Первая часть была разведкой. Ты увидел провода, услышал хор биовнедренцев, почувствовал, как чужие программы жмут кости. Теперь — хирургия.

Смерть в этом тексте — не метафора и не физический финал. Это точка разрыва. Место, где социальная модель мышления перестаёт быть бронёй и становится клеткой. Здесь не будет духовных откровений или утешительных мифов. Будет анатомия рабства: четыре мины, заложенные в тело до восьми лет. Совесть. Справедливость. Стыд. Вина. Четыре столпа, которые ты считал душой, а они оказались тюремщиками.

Эта часть — протокол подготовки. Семь дней тишины. Поиск точек в теле, где сидят «хороший мальчик» и «я должен». Грелка, камень с чумного кладбища, комната без мебели. Всё, что нужно, чтобы убить не себя, а то, что десятилетиями притворялось тобой.

Если ты ищешь спасения или красивой трансформации — закрой файл. Если готов перестать кормить самодеструктора и войти в комнату, где воздух становится густым, как перед грозой, — читай дальше. Дверь открыта. Грелка ждёт. Выбор за оператором.

Глава 5. Подготовка к ритуалу

Эта глава — не про духовные практики и не про «исцеление внутреннего ребёнка». Это про анатомию тюремщика, которого ты зовёшь «душой».

Прежде чем убить самодеструктора, нужно снять охрану. А охраняют его четыре мины, заложенные в тело до восьми лет: совесть, справедливость, стыд, вина. Социум полирует их всю жизнь, называя высокими чувствами. Эта книга называет их биокодами рабства.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.